

О ДРЕВНЕ-РУССКИХЪ УЧИЛИЩАХЪ.

6

О ДРЕВНЕ-РУССКИХЪ УЧИЛИЩАХЪ.

РАЗСУЖДЕНІЕ,

ПРЕДСТАВЛЕННОЕ

**ВЪ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКІЙ ФАКУЛЬТЕТЪ
ИМПЕРАТОРСКАГО
ХАРЬКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА,**

Николаемъ Лавровскимъ,

ДЛЯ ПОЛУЧЕНІЯ СТЕПЕНИ

ДОКТОРА СЛАВЯНО-РУССКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

ХАРЬКОВЪ.

ПЕЧАТАНО ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1 8 5 4.

Edm 1195.15

~~_____~~
~~_____~~
~~_____~~
april 29, 1938

~~HARVARD UNIVERSITY~~
~~DEPARTMENT OF DIVINITY~~
~~LESLIE G. WHEELER LIBRARY~~

По опредѣленію Историко-Филологическаго Факультета, состоявшемуся
28 Октября 1854 года, печатать дозволяется.

Деканъ А. Рославскій - Петровскій.

ПРЕДПОСЛОВІЕ.

Представляя свое сочиненіе «о древне Русскихъ училищахъ», я почитаю необходимымъ показать тѣ предѣлы, которыми я ограничилъ его содержаніе, и тѣ источники, которыми пользовался при его изложеніи.

Исторія древне-Русскихъ училищъ, по несомнѣннымъ лѣтописнымъ свидѣтельствамъ, ведетъ свое начало отъ водворенія Христіанства въ нашемъ отечествѣ. Достопамятныя слова лѣтописца: «пославъ (Владиміръ) нача помати у нарочитое чади дѣти, и даяти нача на ученье книжное» ¹ составляютъ точку исхода этой исторіи. Существованіе многихъ Христіанскихъ храмовъ, возникшихъ еще за-долго до введенія Христіанства, предполагая и существованіе многочисленнаго духовенства, ² казалось, могло бы вести къ заключенію, что начало образовательной дѣятельности въ Россіи восходитъ къ болѣе древнему времени, даже ко времени основанія Руси, и, можетъ быть, находится въ связи съ Апостольскими трудами знаменитыхъ Славянскихъ Просвѣтителей: но такое заключеніе основывалось бы на однихъ предположеніяхъ, слабо

¹ Лавр. сп. лѣтоп. Нестора. II. С. Р. Л. I, 51.

² Извѣстно, что Дмитрій, современникъ Владиміра, насчитываетъ въ Кіевѣ болѣе 400 храмовъ. См. Макарія Ист. Христ. въ Россіи. Спб. 1846. стр. 297.

подкрѣпляемыхъ историческими соображеніями, и потому не удовлетворяло бы требованіямъ современной науки. Съ другой стороны Христіанство, въ слѣдствіе общаго правительственнаго распоряженія, распространившееся вдругъ въ обширныхъ размѣрахъ, должно было немедленно почувствовать нужду въ лицахъ, способныхъ вступить на служеніе церкви, что естественно и повлекло за собою устройство училищъ также въ обширныхъ размѣрахъ, съ правильнымъ, по возможности, и послѣдовательнымъ обученіемъ.

Положивъ же такое начало своему обзорѣю, я ограничилъ его въ настоящее время концемъ XV вѣка на слѣдующихъ основаніяхъ. 1) Древне-Русскія училища, устроенныя въ концѣ X-го вѣка и распространявшіяся въ слѣдующихъ вѣкахъ, не испытывая никакихъ потрясеній, какъ во внѣшнемъ, такъ и во внутреннемъ своемъ устройствѣ, спокойно продолжали свое существованіе и совершенствованіе до порабожденія Руси Монголами. Разрушеніе городовъ, въ которыхъ по преимуществу и сосредоточивалось обученіе, страшное опустошеніе и оскудѣніе страны, гибель несмѣтнаго числа народа и глубокое отчаяніе уцѣлѣвшихъ отъ меча непріятельскаго,—все это такъ сильно поколебало наши училища, что съ этого времени начинается періодъ ихъ быстрого упадка. Если и прежде лѣтописи рѣдко упоминали объ училищахъ, то съ половины XIII вѣка онѣ совершенно умолкаютъ. Встрѣчаются напротивъ извѣстія, что обученіемъ, въ періодъ владычества Монголовъ, завѣдывали частнымъ образомъ лица, предлагавшія свои услуги еще проявившейся любознательности. Понятно, что частное обученіе, въ которомъ все зависѣло отъ произвола, добросовѣстности и способности одного лица, смотрѣвшаго на свое занятіе какъ на ремесло, далеко уступало прежнему, болѣе или менѣе методическому, обученію, совершавшемуся подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Правительства и въ особенности духовенства. Къ концу XV вѣка даже такое обученіе достигло крайней степени упадка. Рѣшительный недостатокъ средствъ получить какое-либо образованіе породилъ пагубное равнодушіе къ

нему, готовое перейти въ отвращеніе; породилъ не менѣе гибельное убѣжденіе, что и нельзя получить образованія. «Земля, господине, такова, не можемъ добыти, кто бы гораздъ грамотѣ», говорили Новгородцы Архіепископу Геннадію, когда послѣдній принуждалъ ихъ къ ученію. Всю тягость столь бѣдственнаго состоянія образованія должно было главнымъ образомъ чувствовать духовенство, которое никакъ не могло обойтись безъ людей, обладавшихъ по крайней мѣрѣ элементарными знаніями. Какъ нуждалось оно къ концу XV вѣка даже въ такихъ людяхъ, можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ Новгородскаго Архіепископа Геннадія въ его посланіи къ Митрополиту Симону: «а се приведутъ ко мнѣ мужика, и язъ велю ему апостолѣ дати чести, и онъ не умѣетъ ни ступити, и язъ ему велю псалтырю дати, и онъ по тому одва бредетъ, и язъ его оторку. . . Да мнѣ бьютъ челомъ: пожалуй ден, господине, вели учити; и язъ прикажу учити ихъ октеніи, и онъ и къ слову не можетъ пристати, ты говоришь ему то, а онъ иное говоритъ; и язъ велю имъ учити азбуку, и они поучився мало азбуки, да просятся прочь, а и не хотятъ ее учити. . . А се мужики невѣжи учятъ робятъ, да рѣчь ему испортитъ, да первое изучитъ ему вечерню, ино то мастеру принести каша да гривна денегъ, а завтрея также, а и свѣше того, а часы то особно, да тѣ поминки опроче могорца, что рядилъ отъ него; а отъ мастера отъидетъ, и онъ ничего не умѣетъ, только то бредетъ по книгѣ, а церковнаго постатія ничего не знаетъ»¹. Тоже повторяютъ и отцы Собора 1551 года. Такое состояніе народнаго образованія не могло быть болѣе терпимо; оно уже слишкомъ много принесло вреда церкви распространеніемъ невѣжественныхъ убѣжденій, породившихъ ереси въ концѣ XIV, въ XV и XVI вѣкахъ. А потому духовенство, въ концѣ XV вѣка, явно вооружается противъ укоренявшагося невѣжества и принимаетъ рѣшительныя мѣры къ восстановленію образованія. Первая попытка этого рода, по существующимъ памятникамъ, представляется

¹ Акт. Историч. т. I, стр. 146.

въ посланіяхъ Архіепископа Геннадія къ Великому Князю Іоанну Васильевичу ¹ и къ Митрополиту. Вотъ почему сохранившееся посланіе Геннадія къ М. Симону (1496-1504) мы почитаемъ столь важнымъ, что раздѣляемъ имъ всю исторію древне-Русскихъ училищъ на двѣ половины: отъ введенія Христіанства до XVI вѣка и отъ XVI вѣка до Петра Великаго. Въ немъ въ первый разъ обнаружилось и ясно высказалось сознаніе духовенства въ крайней затруднительности своего положенія, въ необходимости рѣшительно противостоять невѣжеству и возстановить хотя элементарное образованіе; въ немъ указано и на единственно-дѣйствительныя къ тому средства,—на учрежденіе училищъ. Съ тѣхъ поръ неоднократно выражалось это сознаніе, пока наконецъ само Правительство не приняло участія въ благородныхъ, уже полвѣка продолжавшихся, стремленіяхъ лучшей части духовенства и, по приговору отцевъ Собора 1551 года, не признало необходимымъ заведеніе училищъ.—2) Паденіе Константинополя, составляющее эпоху въ исторіи Западно-Европейскаго образованія, не осталось безъ вліянія и на наше отечество: появленіе многихъ Грековъ съ ихъ драгоценными рукописями и съ ихъ званіями, особенно ученая и образовательная дѣятельность Максима Грека, сближеніе съ Европою,—все это должно было если не породить, то по крайней мѣрѣ сильно возбуждать упомянутыя стремленія духовенства.—3) Въ XV же вѣкѣ и первой половинѣ XVI приговаривалось другое важное событіе, совершившееся на Люблинскомъ сеймѣ 1569 года,—отпаденіе цѣлой половины Руси къ Польшѣ и подчиненіе ея иному вліянію. Это вліяніе, начавшееся со времени утвержденія Ягеллоновъ на Польскомъ престолѣ (1386), распространялось быстро, отражаясь на самомъ языкѣ, и произвело нныя явленія въ исторіи Западно-Русскаго образованія, такъ что послѣднее, по крайней мѣрѣ со второй половины XVI вѣка, должно

¹ Посланія къ В. Князю доселѣ неизвѣстны, но Архіепископъ на нихъ ссылается въ посланіи къ Митрополиту: «да биль есми челомъ Государю В. Князю, что бы велѣлъ училища учинити» и т. д.

разсматривать отдѣльно отъ Восточно-Русскаго, совершавшагося на прежнихъ началахъ.—4) Наконецъ и объединеніе Руси, почти окончившееся въ началѣ XVI вѣка, имѣетъ важное значеніе для исторіи древне-Русскихъ училищъ: правительственныя распоряженія, имѣвшія силу для всего пространства Русскаго Государства, должны были отличаться большею дѣйствительностію и вносить единство въ самое образованіе. Таковы главныя основанія, по которымъ мы ограничили изложеніе своего предмета XV вѣкомъ. Дѣйствительное ихъ значеніе, конечно, яснѣе обнаружилось бы въ продолженіи прерваннаго нынѣ изложенія, но мы оставляемъ до другаго времени подробнѣйшее оправданіе принятаго нами дѣленія.

Знакомый съ существующими памятниками древнѣйшей нашей письменности можетъ усомниться въ возможности разсмотрѣть избранный нами предметъ съ нѣкоторою подробностію: такъ мало сохранилось о немъ непосредственныхъ извѣстій. Весьма ощутительный недостатокъ послѣднихъ объясняется характеромъ и направленіемъ первоначальной письменности и тѣми образцами, которые избрали наши лѣтописцы для подражанія.—Будучи еще не въ состояніи всматриваться въ явленія внутренней жизни, чтобы ими объяснять историческія событія, они вносили въ свои лѣтописи только то, что непосредственно представлялось ихъ наблюденіямъ; указанія на черты внутренняго быта встрѣчаются случайно и въ весьма незначительномъ количествѣ. Самая лѣтопись Нестора, заключающая въ себѣ, сравнительно съ другими, болѣе системы въ изложеніи, въ сущности отличается тѣми-же характеромъ. Какъ Христіанинъ, и притомъ глубоко проникнутый Христіанскою нравственностію, Несторъ обращается къ изображенію народнаго быта только въ тѣхъ случаяхъ, когда встрѣчается съ обильными еще остатками язычества, противодѣйствовавшими распространенію Христіанства, а потому вызывавшими на упреки его религіозную ревность, или когда онъ долженъ былъ описывать такія дѣйствія современниковъ, которыя прямо противорѣчили его убѣжденіямъ. Оттого противоборствующій язычеству духъ Христіанства и поучительный характеръ являются въ его лѣтописи тою

невидимою внутреннею связью, которая придаетъ ей видъ предварительно обдуманнаго цѣлаго и тѣмъ рѣзко отличаетъ ее отъ другихъ лѣтописей, исключительно занимающихся хронологическимъ перечисленіемъ однихъ событій внѣшней исторіи. Эти черты, связующія все изложеніе въ лѣтописи Пестора, конечно, имѣли и не могли не имѣть практическаго значенія; даже съ достовѣрностію можно утверждать, что самое начало отечественныхъ лѣтописей обязано не одному простому любопытству, не одному желанію увѣковѣчать дѣянія современниковъ и не однимъ политическимъ соображеніемъ: мысль подвергать строгой оцѣнкѣ событія съ религіозно-нравственной точки зрѣнія, опасеніемъ осужденія предостерегать современниковъ отъ предосудительныхъ дѣйствій и совокупностію примѣровъ дѣйствовать на нравственность потомства, при убѣжденіи, что близкіе и поразительные примѣры сильнѣе самыхъ глубокомысленныхъ разсужденій способствуютъ исправленію,—такая мысль, безъ сомнѣнія, главнымъ образомъ участвовала въ происхожденіи и возбужденіи лѣтописной дѣятельности. Она только можетъ объяснить частыя и пространныя отступленія по поводу нѣкоторыхъ, особенно бѣдственныхъ для отечества, событій, съ прямою цѣлію поученія; она только можетъ оправдать и многія не посредственныя указанія на практическое значеніе лѣтописей ¹. Какъ ни благотѣльно было такое направленіе лѣтописей, какъ ни возвышенна ихъ практическая цѣль, однако, занимаясь по преимуществу внѣшнею исторіею и обращаясь только косвенно и случайно къ изображенію народнаго быта, онѣ не могли остановиться на нашемъ предметѣ и объяснить ходъ тогдашняго первоначальнаго образованія, его характеръ, способъ и предметы преподаванія, устройство школъ и т. д., хотя къ тому и представлялся неоднократно случай.

Если наши лѣтописцы, по степени своего умственнаго развитія, еще не были способны разсматривать явленія внѣшней жизни въ

¹ Ипат. лѣт. стр. 225. Никоноса I, 28 и др. См. статью Бѣляева: «о разныхъ видахъ Русскихъ лѣтописей». Временникъ № 5, стр. 9 и слѣд.

связи съ явленіями внутренней, то Византійскія хроники, принятыя ими за образцы, могли только подтверждать ихъ одностороннее направленіе. Вотъ что говорятъ Sainte-Croix о Византійскихъ историкахъ среднихъ вѣковъ: «des compilateurs ignorants s'imaginèrent qu'en rassemblant des faits sans discernement, et qu'en les rédigeant sans goût ni critique, ils pouvaient mériter le nom d'historiens. Plusieurs eurent l'ambition de composer des histoires générales qui commençaient à l'origine du monde et finissaient à leurs temps. Ils y mêlaient le sacré et le profane, et y entassaient sans choix tout ce qu'ils trouvaient dans les livres qui leur tombaient sous la main» etc ¹. Сужденіе нѣсколько строгое, но заключающее въ себѣ много правды. Подобные образцы не могли, конечно, сообщить правильнаго взгляда на историческіе труды. Такого именно достоинства хроника Георгія Амартола, изъ которой Несторъ многое перенесъ въ свою лѣтопись, Зонары, І. Малалы и другихъ. Любопытно мнѣніе о Византійскихъ историкахъ, высказанное тѣми-же историками. «Ceterum isti, говоритъ Кедринъ о предшествовавшихъ ему историческихъ писателяхъ, accuratam atque exactam temporum rationem non tenuerunt, neque aliud præstitere, quam quod nuda regum enumeratione exposita, quis cui in imperio successisset, docuerunt» ². А вотъ что говоритъ Ксиландеръ о самомъ Кедринѣ въ предисловіи къ его исторіи: «inserit multa nescio quam relatu aut creditu digna, et interpolatis narrationibus, sæpe mutilatis, aliquando idem non sine tædio et odio inculcat. In summis mundi imperiis et eorum successione et mutationibus jejunos plane est» ³. Приведенные недостатки Визант. историковъ, конечно, нисколько не касаются важности сообщаемыхъ ими свѣдѣній, иногда ничѣмъ не замѣнимыхъ: здѣсь идетъ рѣчь о взглядѣ на историческія сочиненія, о формѣ изложенія, о приѣмѣ вести

¹ Histoire de la littérature Grecque profane, par M. Schoell. V, 356-357.

² Cedren. opera I, p. 4. Почти тѣми-же словами выражаются о недостаткахъ Визант. историковъ друзья Зонары, убѣждавшіе его написать исторію. I, p. 5-6.

³ Præfat. ad Cedren. p. XII.

разсказъ, объ искусствѣ историческомъ. Замѣчательно, что они сами нерѣдко высказываютъ свой взглядъ на историческое искусство, хотя односторонній, тѣмъ не менѣ заслуживающій вниманія, особенно если бы онъ оправдывался ихъ сочиненіями. Такъ Анна Компена совершенное безпристрастіе къ описываемымъ лицамъ почитаетъ необходимою принадлежностію исторіи, для которой не должны существовать ни родство, ни дружба, ни вражда ¹, хотя никакъ нельзя сомнѣваться въ томъ, что въ ея сужденіяхъ объ историческихъ лицахъ весьма много принимали участія родственныя отношенія; въ другомъ мѣстѣ она совѣтуетъ не сплосъ и безъ разбора излагать событія, а надлежащимъ образомъ распределять ихъ и, по возможности, украшать ². Довольно этихъ немногихъ указаній на недостатки Визант. историческихъ сочиненій среднихъ вѣковъ, чтобы видѣть, какъ слабы были тѣ образцы, которымъ подражали наши лѣтописцы: и въ тѣхъ и другихъ то-же почти исключительное занятіе событіями вѣщей исторіи, то-же предпочтеніе событій церкви государственнымъ, тотъ-же порядокъ въ изложеніи, тѣ-же отступленія, наконецъ тѣ-же побужденія писать лѣтописи ³.

Мы остановились на сравненіи Русскихъ лѣтописей съ Византійскими, съ одной стороны чтобы показать не только отсутствіе

¹ Alexiad. I, p. 5-6.

² Ibid. I, p. 156.

³ Замѣчательно, что при всей исключительности хронологическаго способа изложенія, Визант. историки иногда высказываютъ мысль о необходимости иного способа, основаннаго на внутренней связи событій: ту-же мысль находимъ и у нашихъ лѣтописцевъ. Нельзя не замѣтить сходства между слѣд. словами Пахимера, сказанными по поводу несчастной судьбы одного ритора: «οὐκ ἐπὶ τοῦτου τοῦ καιροῦ γεγονός, ἀλλὰ πρότερον συνάπτομεν τοῖς δεινοῖς τὰ δεινὰ εἰς τὴν τῆς τότε βίας παράστασιν» (I, p. 392) и слѣд. словами Ипат. лѣтописи: «хронографу же нужна есть писати все и вся бывшая, овогда же писати въ передняя, овогда же возстupati въ задная: чѣтый мудрый разумѣть». (П. С. Р. Л. II, 189).

въ первыхъ болѣе или менѣе подробныхъ извѣстій о состояніи первоначальнаго образованія въ древней Руси, но и естественность такого отсутствія, съ другой чтобы опредѣлить, на сколько Визант. историки способны восполнить недостатокъ домашнихъ извѣстій о нашемъ предметѣ, или содѣйствовать объясненію хотя существующихъ, но слишкомъ отрывочныхъ свидѣтельствъ, въ томъ случаѣ, когда бы оказалась потребность обратиться къ нимъ въ слѣдствіе историческихъ соображеній. Изъ представленнаго сравненія можно усмотрѣть невозможность раскрыть существенныя черты и характеръ первоначальнаго обученія, какъ средневѣковаго Византійскаго, такъ и древне-Русскаго, на основаніи цѣлаго ряда положительныхъ и подробныхъ современныхъ свидѣтельствъ.

Однако и то незначительное пособіе, какое могутъ доставить Визант. писатели, для насъ важно, при скудости и отрывочности извѣстій въ нашихъ памятникахъ. И если справедлива мысль, что еще съ начала X вѣка, и въ особенности со времени введенія Христіанства Владиміромъ, установилась тѣснѣйшая духовная связь между Византією и Русью, что не только устройство церкви неизмѣнно было передано намъ первому, но и многія явленія общественной жизни подверглись ея вліянію, то, при разсмотрѣніи сего предмета, мы почитаемъ себя въ правѣ иногда пользоваться указаніями Визант. писателей на такія черты образованія вообще, посредствомъ которыхъ можно нѣсколько уяснить состояніе древне-Русскаго первоначальнаго образованія, и о которыхъ или молчатъ, или говорятъ неясно и кратко наши лѣтописцы.

Кромѣ того, для объясненія нѣкоторыхъ сторонъ своего вопроса, мы находимъ не менѣе полезнымъ обращаться и къ Западнымъ источникамъ, когда послѣдніе, заключаая въ своихъ извѣстіяхъ объ устройствѣ школъ сходство съ нашими, представляютъ возможность сообщить большую полноту и ясность понятію о характерѣ древне-Русскихъ училищъ. Такое обращеніе намъ кажется тѣмъ болѣе позволительнымъ, что первый періодъ процвѣтанія Западныхъ школъ есть плодъ попеченій Карла Великаго о народномъ образованіи, слѣдоват. относится къ тому времени, когда еще не

было и мысли о раздѣленіи Церквей и когда Западная Европа, находясь въ постоянныхъ и дружественныхъ сношеніяхъ съ Византією, могла многое заимствовать для устройства своего быта отъ страны, сохранившей въ себѣ лучшіе остатки Греко-Римскаго образованія. Мы согласны, что монастырскія, соборныя и городскія школы, возникшія на Западѣ въ XII и слѣд. вѣкахъ подъ исключительнымъ вліяніемъ односторонней Католической пропаганды, уже носили свой особый отпечатокъ, рѣзко отличавшій ихъ отъ Византійскихъ школъ, удержавшихъ неизмѣннымъ свой прежній характеръ: къ этимъ позднѣйшимъ школамъ мы позволимъ себѣ обращаться весьма рѣдко, только въ томъ случаѣ, когда извѣстія о нѣкоторыхъ частяхъ ихъ устройства, сходныхъ съ нашими, отличаются большею полнотою и опредѣленностію.

При пособіи такихъ источниковъ, увеличиваются и средства для рѣшенія нашего вопроса: однѣ его стороны могутъ найти удовлетворительное объясненіе въ однихъ отечественныхъ источникахъ, другія, при пособіи иноземныхъ, и наконецъ нѣкоторыя, объясняясь послѣдними и не подтверждаясь первыми, съ помощью историческихъ соображеній и по своей связи со всѣмъ вопросомъ, съ весьма значительною степенью достовѣрности, могутъ получить дѣйствительное значеніе и для древне-Русскихъ училищъ.

О ДРЕВНЕ-РУССКИХЪ

УЧИЛИЩАХЪ.

Распространеніе и совершенствованіе познаній, и въ области жизни, и въ области науки, происходятъ по опредѣленнымъ и неизмѣннымъ законамъ, управляющимъ духовною природою чело-вѣка. Одно изъ общихъ проявленій этихъ законовъ состоитъ въ томъ, что познанія распространяются по направленію отъ міра внѣшняго къ внутреннему, отъ міра предметнаго къ духовному. Въ развитіи отечественной Исторіи и Словесности указанный путь обозначается ясно.

Начальные опыты первой, заключенные въ лѣтописяхъ, представляютъ совокупность однихъ событій внѣшней исторіи, то, что непосредственно представлялось взорамъ бытописателя и не требовало намѣреннаго углубленія въ невидимыя причины, опредѣляющія ходъ исторической дѣятельности народа. Первые опыты систематическаго изложенія исторіи отличались болѣе внѣшнею, непосредственною связью. Въ слѣдъ за тѣмъ, религія и народный бытъ, законодательство и администрація, постепенно стали входить въ кругъ историческихъ изслѣдованій, которыя и не замедлили пролить новый свѣтъ на политическую, общественную и частную жизнь народа. Тѣ-же изслѣдованія естественно должны были вызвать